ПРАВО АВТОРА

Взрыв на Вавилонской башне. Дмитрий Волчек – о рукописях Павла Кушнира

Дмитрий Волчек

27 ноября 2026

"Это огромный текст, форма которого в точности повторяет форму книги Кеплера „Гармония мира“. Это текст из 117 эпизодов, который разбит на 5 частей и посвящен Фракции Красной армии, в частности Ульрике Майнхоф. Этот текст написан с использованием лексики из 67 языков и нарезки из 117 текстов других авторов всех времен и народов. Я писал его 8 лет, с 2014 по 2022 год".

Так в январе 2023 года в интервью телекомпании НТК-21 солист Биробиджанской филармонии Павел Кушнир рассказывал о своем главном литературном произведении – романе "Noël". На вопрос журналиста, можно ли будет прочитать книгу, он ответил категорично: "Нет, это останется в рукописи, это не будет издано". Через 15 месяцев после выхода интервью в эфир Павел Кушнир был арестован ФСБ за антивоенные видео, а 27 июля 2024 года погиб в следственном изоляторе после сухой голодовки.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Дельфийский осьминог. Дмитрий Волчек – о пророчествах проекта "ДАУ"

Поиск романа "Noël" и других неопубликованных текстов Павла Кушнира начался после известия о его гибели. При жизни у него вышла только одна книга – роман "Русская нарезка" (Дюссельдорф, 2014). Основательницу издательства Za-Za Verlag Евгению Жмурко Кушнир в дневнике сравнивал с Гертрудой Стайн, покровительствовавшей молодым литераторам. Именно Стайн посоветовала юному Полу Боулзу отправиться в Африку – так началась марокканская жизнь Боулза и был написан роман "Под покровом небес", которым Кушнир восхищался.

"Нарезка" вдохновлена книгами Уильяма Берроуза и Кэти Акер, исследовавших возможности литературного коллажа. Это роман-лабиринт, роман-шарада, в котором по методу нарезки спрятаны бесчисленные цитаты из других книг – прежде всего из советских романов о войне. Одна из частей книги – монолог не названной по имени художницы Грейс Хартиган (1922–2008), жены эпидемиолога Уинстона Прайса, который испытал на себе вакцину от энцефалита и в результате этого эксперимента остался калекой.

Основу "Нарезки" составляют преображенные дневники автора: сначала "несвободного" времени после аннексии Крыма, затем – более ранних, беззаботных лет. В письме другу Кушнир сравнивает себя с булгаковским Иваном Бездомным, который "заканчивает один этап жизни (наивный совковый поэт), встретившись с пиздецом, и начинает новый". Этот этап трагически завершился в 2024 году.

По всей видимости, часть архива Кушнира конфисковала ФСБ, но рукописи нескольких книг уцелели у друзей писателя. Кушнир был равнодушен к царству компьютеров и миру литературных амбиций, писал от руки и дарил свои сочинения знакомым. Повесть "Пыль" нашлась в Великобритании у Грейс Чатто, учившейся в Москве; тетрадь с "Биробиджанским дневником" Кушнир отправил в Берлин пианистке Ольге Шкрыгуновой – эта книга, подготовленная нами к печати, вышла в 2025 году в издательстве «Медуза». В октябре 2026 года издательство Freedom Letters выпустило роман «Косяг и Бегемод». Чудом удалось найти и "Noël", главную книгу Кушнира, и сейчас я готовлю ее к печати. Работа эта непростая: в рукописи несколько тысяч страниц, и некоторые из них представляют собой коллажи, которые трудно будет воспроизвести в верстке. Одному из друзей Кушнир подарил перечень текстов, которые он использовал для нарезок, – от

Страница рукописи романа Noël

> **“Все его сочинения – фактически один текст. Он построен по сходным принципам, и в его основе лежит дневник автора**

Вергилия до Фадеева. В эссе "Русская литература и метод нарезки" (2017), где заложен теоретический фундамент, на котором будет воздвигнуто величественное здание "Noël", Кушнир описывал свой метод: "Предлагаю нарезать тексты на десятках языков, использовать существующие конланги, создавать собственные языки, применять блиссимволику, графику, глоссолалию, заумь и готовить химическую свадьбу миров Берроуза и позднего Джойса во вселенной Русской Литературы".

Одно из главных открытий, которые я сделал, работая с рукописями Кушнира, состоит в том, что все его сочинения – фактически один текст. Он построен по сходным принципам, и в его основе лежит дневник автора. Книги, которые читал Кушнир, становятся частью его собственного повествования. В дневнике, вошедшем в "Русскую нарезку", Кушнир отмечал: "Читаю Астафьева. Пюпюжл-дрбт и волк-машина в русской литературе (в Русской Литературе) всплывает редко (но метко)". Пояснений нет, но, очевидно, Кушнир ищет в романе Астафьева материал для нарезок и прорывы за пределы советского вокабуляра. В "Косяге и Бегемоде" нарезке подвергаются атлас Тамбовской области, текст о Третьем рейхе и Холокосте, справка о психоактивных веществах, программа российских телеканалов, орфографический словарь и справочник пчеловода.

Из "Косяга и Бегемода" в "Русскую нарезку" перешагнули инфернальные "офецеры" – лейтенант Лябжясчыков и полковник Бегемод. Лябжясчыков присутствовал и в первом романе Кушнира, "Девятнадцатая весна", рукопись которого пока не удалось разыскать. В письме другу Кушнир пояснял, что это персонаж, родственный булгаковскому Воланду: "Лейтенант Лябжясчыков – человекоподобное существо иного (так наз. полифонического) мира (полифонический мотылёк). Лейтенант появляется и в военных отрывках, и в современности. (Также Воланд связывает своим присутствием различные пласты романа Булгакова). <...> Кстати, в „Русской нарезке“ действует (заодно с Лябжясчыковым) полковниг Бегемод. Соответственно, кивок опять на Бегемота у Булгакова".

Павел Кушнир

Лябжясчыков трудится на свиноферме и разводит племя, прародительницей которого стала свиноматка, похищенная им в 1939 году из Бухенвальда. С полифоническим миром соседствует безысходность "жбыха" – среды обывателей: "Когда начиналась „В мире людей“, он оставлял все дела и заботы садился близко к экрану, крепко зажмурившись, чтобы ничего не видеть, и зажимая ладонями уши, чтобы ничего не услышать. Однажды он случайно открыл глаза раньше чем передача успела закончиться и увидел как дети идут в школу, тогда Лябжясчыков кулаками разбил телевизор крушил обломки..."

И в "Косяге и Бегемоде", и в "Русской нарезке", и в романе "Noël" текут потоки сознания, цитаты перекручиваются, происходит встреча зонтика и швейной машинки, а кролики псевдофраз выскакивают из шляпы фокусника. К изощренному словотворчеству (в "Косяге и Бегемоде" значительную часть глаголов действия Кушнир заменяет панк-неологизмом "жбяцыть", а в "Биробиджанском дневнике" отказывается от слова "девушка") добавляются пиротехнические опыты, разносящие учебник русского языка в клочья. В ручьях спонтанной речи сталкиваются предлоги, рассыпаются запятые, рождаются орфографические ошибки, глаголы теряют спряжения, падежи отменяются ("подойдя к зеркало"). Мы словно слышим монолог гастарбайтера, с трудом подбирающего малознакомые слова. Похожим образом поэт Баби Бадалов передавал растерянность влюбленного ("на меня падает твой двер / твой двер остаётся за тобой закрытым"), а Джеймс Келман в романе "Перевод показаний" имитировал косноязычие жертв, пытающихся рассказать следователям о своих мучениях.

Читатель оказывается в пустыне, по которой бродит человек (полиглот или дадаист?), распростившийся с привычным языком. Монолог, который мы слышим, порой превращается в закодированные послания "Радиостанции Судного дня", но из ахинеи помех неизменно рождается мелодия.

> **“ Борьба с языком принуждения закономерно привела Павла Кушнира к сопротивлению государству**

В полифоническом мире говорят на многих языках: один из них называется "прпнтк", у других нет названия. После выхода "Аватара" Кушнир заинтересовался языком на’ви, на котором говорят обитатели Пандоры. В романе "Noël" он использует слова из 70 языков, включая мертвые и вымышленные, – возводит в пустыне родной речи Вавилонскую башню, которую предстоит разрушить. Порой ставит рядом два варианта слова, исправляет оговорку, сохраняя ошибочный вариант, "уходит в сон, среди последних обрывков речи". Это своего рода лингвистическая диверсия: романист проникает в смысловое пространство русской речи, обнаруживает его несовершенства, отменяет любые законы и удаляется. В романе "Noël" задача сформулирована так: "искать интонацию, разрушать язык принуждения".

Борьба с языком принуждения закономерно привела Павла Кушнира к сопротивлению государству, поставившему этот язык себе на службу. Отдельную линию в романе "Noël" составляет его переписка с девушкой, отбывающей срок в исправительной колонии. Кушнир цитирует бесхитростные послания из мира несвободы, словно предчувствуя, что ему предстоит с ним познакомиться. В "Биробиджанском дневнике" он пишет, что воспринимает арест как неизбежность. Предчувствия его не обманули.

Дмитрий Волчек – автор проекта "Культурный дневник" на Радио Свобода

Высказанные в рубрике "Право автора" мнения могут не отражать точку зрения редакции

Дмитрий Волчек

Право автора | Мнения